

УДК 82-31

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ И.А. ГОНЧАРОВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ОБРЫВ»)

Е.И. Шевчугова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В отношении И.А. Гончарова *проблема* изучения религиозности специалистами, как правило, не ставится, поскольку писателю не были свойственны серьезные религиозные искания, его вера в своей основе была «младенческой», следовательно, и вопросов здесь почти не остается. Однако вера Гончарова как часть его мировоззрения, как набор моральных норм и установок, жизненных императивов – эксплицитно и имплицитно проявляется в его творчестве. *Цель* статьи – описать функционирование религиозных мотивов в романе «Обрыв», в котором религиозные мотивы проявились наиболее открыто. *Методы* исследования – биографический и историко-литературный. В *результате* анализа романа «Обрыв» описываются типы веры, свойственные героям Гончарова, выясняется, что для его героев религиозные кризисы закономерно не характерны. Особое внимание уделяется религиозным мотивам при описании жизненной драмы Веры и Бабушки Бережковой.

Ключевые слова: Гончаров И.А., «Обрыв», религиозность писателя, религиозные мотивы, образ Веры, образ Татьяны Марковны Бережковой, образ Бабушки.

Постановка проблемы. Религиозность И.А. Гончарова, как и многое в его жизни, не была публичной. Он не обсуждал ее с друзьями (по крайней мере, таких свидетельств не обнаружено), не известно и о каких-либо серьезных религиозных кризисах в жизни писателя. Показателен известный комментарий Льва Толстого. Говоря о Достоевском, он пишет: «Конечно, это настоящий писатель, с истинно религиозным исканием, не как какой-нибудь Гончаров» [Толстой, 1983, с. 93]. Думается, этот нелестный на первый взгляд отзыв нуждается в объяснении.

Обзор литературы по проблеме. Судя по всему, вера с детства прочно вошла в жизнь Гончарова и достаточно ровно была пронесена через все отпущенные ему годы. Об этом свидетельствуют все наиболее серьезные биографы писателя [См. об этом: Ляцкий, 1920; Недзвецкий, 1992; Лощиц, 2004; Краснощекова, 1997; и др.]. В связи с отсутствием проблемы религиозности нет никакой специальной библиографии в гончароведении по указанному вопросу, кроме монографии В.И. Мельника [Мельник, 2008], наиболее полно изучившего вопрос об отношении писателя к религии, где вера писателя названа «младенческой». Первые подходы исследователя к теме относятся к статье 1995 года [Мельник, 1995]. *Целью* статьи является описание функционирования религиозных мотивов в художественном тексте И.А. Гончарова на примере романа «Обрыв» (1869). Выбор произведения не случаен: последний роман писателя наиболее открыто демонстрирует религиозные представления автора. *Методы* исследования – биографический и историко-литературный.

Поскольку самому Гончарову мучительные религиозные искания были не свойственны, то и его герои не «проверяют» веру и не задаются вопросами в духе Достоевского или Толстого, есть ли Бог. Так, не подлежит сомнению христианская основа понимания жизни Обломовым. У представителей старшего поколения (Анны Павловны Адуевой, родителей Обломова), как правило, акцентирована традиционная христианская обрядность. Причем отход от привычной обрядности Александра Адуева в Петербурге знаменует потерю им нравственных ориентиров. Не случайно его мать перед отъездом в столицу говорит: будешь редко ходить в церковь, дело молодое, некогда, так мать за тебя будет молиться. Наиболее усердны в вере «возрастные» герои и, конечно, люди, живущие в провинции. Топос Петербурга явно противопоставлен по этому признаку усадьбам – Грачам, Обломовке, Малиновке.

Встречаются оригинальные и отчасти спорные идеи. Например, в уже упомянутой монографии В.И. Мельника читаем, что все творчество Гончарова движется от петербургского ада Адуева к райской идиллии Малиновки РАЙского, знаменуя духовное восхождение автора [Мельник, 2008, с. 142].

Роман Обрыв, последний роман писателя (позже будет создана только публицистика и произведения малых эпических форм), важен с точки зрения проявления в нем религиозных мотивов. По общему мнению исследователей, именно «“Обрыв” проявил глубокую религиозность Гончарова как никогда открыто и явно» [Мельник, 2008, с. 284]. Религиозные мотивы в романе не связаны с поиском веры, она неотделима от героев, это естественная, базовая, составляющая их жизни. Однако индивидуальные вариации все же есть, и они особенным образом характеризуют персонажей. В статье мы выбрали для анализа из всего круга религиозных мотивов романа две проблемы: отношение героев к Богу и христианская вера как нравственный ориентир в момент духовного кризиса.

Результаты исследования. В романе представлены разнообразные типы отношения человека к Богу. Традиционная народная вера характерна для дворовых крестьян Малиновки: Якова, Василисы, Савелия. Так, Якова барыня назначила дворецким только за то, что «он смирен, пьет умеренно, то есть мертвецки не напивается, и не курит; притом он усерден к церкви» [Гончаров, 2004, с. 64]. Все поведение Якова естественным образом опирается на веру в Бога: он «все искал по сторонам глазами, не покажется ли церковный крест вдалеке, чтоб помолиться на него» [Гончаров, 2004, с. 327]. Дворовый мужик Савелий молится, прося Господа утихомирить, вразумить неверную, гулящую жену Марину. Когда в финале романа, параллельно с жизненной драмой Веры и Бабушки, слегла и Марина (это во многом параллельный сюжет), то Савелий однозначно определяет причину ее недуга: «Бог карает» [Гончаров, 2004, с. 695].

Не обходится здесь и без гончаровской иронии. Видя, в каком состоянии пребывает Бабушка, выхаживая, вымаливая перед Богом прощение Вере и себе, ее верные Василиса и Яков единственно понятным им способом стараются облегчить муки барыни: дают обет, если барыня придет в себя и выздоровеет, Яков

поставит большую вызолоченную свечу к местной иконе в приходской церкви, а Василиса – сходит пешком в Киев.

«В особенно затруднительном положении очутилась Василиса <...> Яков исчез однажды рано утром со двора, взяв на свечу денег из лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней. Он водрузил обещанную свечу перед иконой за ранней обедней. <...> объявил и Василисе, что «сподобился» выполнить обет. Василиса поглядела на него и вдруг стала сама не своя <...>

Яков уже исполнил, и притом в одно утро, и вон ходит, полный благочестивого веселья. А она обещалась в Киев сходить!

– Как я пойду, силы нет, – говорила она, щупая себя. У меня и костей почти нет, все одни мякоти! <...> Она пошла к отцу Василию, прося решить ее сомнения. Она слыхала, что добрые “батюшки” даже разрешают от обета совсем, по немощи, или заменяют его другим. <...>

– Коли обещалась, как же нейти? – сказал отец Василий. – Надо идти!

– Да я с испуга обещалась, думала, барыня помрет. А она через три дня встала. Так за что ж я в этакую даль пойду? <...> Другое дело, кабы барыня маялась в постели месяца три, да причастили ее и особоровали бы маслом, а бог, по моей грешной молитве, поднял бы ее на ноги, так я бы хоть ползком поползла. А то она и недели не хворала!

Отец Василий улыбнулся.

– Как же быть? – сказал он.

– Я бы другое что обещала. Нельзя ли переменить?

– На что же другое?

Василиса задумалась.

– Я пост на себя наложила бы; мяса всю жизнь в рот не стану брать, так и умру.

– А ты любишь его?

– Нет, и смотреть-то тошно! отвыкла от него...

Отец Василий опять улыбнулся.

– Как же так, – сказал он, – ведь надо заменить трудное одинаково трудным или труднейшим, а ты полегче выбрала!

Василиса вздохнула» [Гончаров, 2004, с. 693–695].

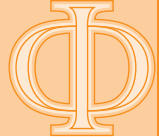
И это не злая ирония, это понимание слабости человека и снисходительная, поддерживающая улыбка.

В традиционном христианском чувстве воспитана Бабушкой Марфинька, в ее вере присутствует страх, но это страх ребенка, который боится наказания взрослого, но бесконечно доверяет его мудрости и милости. В день именин душевная чистота Марфиньки проявляется наиболее открыто: «Господи! – всхлипывая от счастья, говорила она, – за что они меня так любят все? Я никому, ничего хорошего не сделала и не сделаю никогда!...». Бабушка объясняет ей вполне в привычной им обеим манере: «Это Бог тебя любит, дитя мое <...> за то, что ты сама всех любишь, и всем, кто поглядит на тебя, становится тепло и хорошо на свете!...» [Гончаров, 2004, с. 631].

Оплотом традиционной и искренней веры в Бога является Бабушка. Она беспрестанно божится, наставляет подопечных, обращается к Богу как к непререкаемому авторитету. Например, когда внучка прячется от грозы под подушкой, Бабушка говорит ей: «Марфинька, иди скорей <...> не прятаться надо, а богу молиться, гром и не убьет!» [Гончаров, 2004, с. 450]. И все становится понятным, простым, как было в детстве.

В речевом поведении Татьяны Марковны постоянно присутствует Бог: Ей-богу, слава Богу, Бог с вами / с тобой, дай Бог, ради Бога, Бог знает и др. слова и выражения наполняют ее речь. Вера прочно обосновалась в сознании героини, на уровне жизненной основы. Как большинству пожилых людей, Бабушке свойственна прилежность в исполнении церковной обрядности, однако не показная, а опять же естественная, привычная, предками и родителями переданная ей. При этом нельзя сказать, что это свойственно всему старшему поколению: это и дает нам основание утверждать: отношение к Богу, к вере точно характеризует героев. Так, формализм и лицемерие в вере демонстрирует Нил Андреевич Тычков. Сначала Бабушка осторожно говорит о нем: «Набожный такой! Одного франта так отделал, узнав, что он в Троицу не был в церкви, что тот и язык прикусил» [Гончаров, 2004, с. 80]. Но оказывается, что персонажу не только не свойственна истинная набожность, но для него это становится инструментом унижения окружающих, оскорбления, что вовсе не соответствует христианской этике. Откровенно Нил Андреевич издевается над Полиной Карповной Крицкой: «Вы у нас <...> образец матерям и дочерям: в церкви стоите, с образа глаз не отводите, по сторонам не взглянете, молодых мужчин не замечаете...» [Гончаров, 2004, с. 372]. Недостойно мужчины и христианина, о чем и сообщают Тычкову Райский и Бережкова, выгоняя его из своего дома.

В характеристике Марка Волохова подчеркивается, что он – безбожник. Так его называет Марфинька. И сам он не скрывает своей позиции, объясняя Вере: «...чтоб Бог благословил союз, говорите вы, то есть чтоб пойти в церковь – да против убеждения, – дать публично исполнить над собой обряд... А я не верю ему» [Гончаров, 2004, с. 610]. В его отношении, вообще, много иронии: «“И будем как боги!” – прибавлял он насмешливо» [Гончаров, 2004, с. 662]. Вот только вопрос в том, сколько здесь позы, нигилистической «моды» а сколько – истинной убежденности. В том числе и имя героя – Марк, имя одного из евангелистов, – дает право поставить под сомнение истинность / абсолютность безбожия Волохова. Это же, вероятно, выявляет авторскую надежду, что для героя не все потеряно, что искушение нигилизмом сильное, но преодолимое. Думается, что писатель такой крепкой, укорененной в природе веры, как Гончаров, не мог лишить героя надежды. Возможность изменения Марка Волохова, символического воскресения для него поддерживается сюжетным ходом: даже такой нравственно безупречный человек, как Бабушка (не безгрешный, но безупречный), верит в то, что Марк способен выйти на дорогу: она через Райского передает ему деньги.

Если большинство героев в отношении к вере статичны, то Борис Райский демонстрирует в этом вопросе некоторую динамику. Прежде всего, отметим, что его вера не проявлена открыто. Так, на похоронах Наташи, еще в Петербурге, он «задумчиво стоял в церкви, смотрел на вибрацию воздуха от теплящихся свеч и на небольшую кучку провожатых: впереди всех стоял какой-то толстый, высокий господин, родственник, и равнодушно нюхал табак» [Гончаров, 2004, с. 119]. Сам фокус взгляда героя характерен: он скучает и разглядывает, он не сосредоточен, не уносится мыслями в иной мир, провожая усопшую, кстати, не чужую ему женщину, хотя из более широкого контекста видно, что он тронут смертью Наташи.

Там же, в петербургской своей жизни, Райский называет Софью Беловодову богиней, вкладывая в это наименование общекультурный смысл. Но приезжая в Малиновку, оказываясь рядом с Бабушкой, герой начинает божиться. Это первый, внешний, но явный признак. Меняется его речевое поведение, отражая смену мировоззренческую: он и перенимает бабушкину речевую привычку, и попадает под влияние уклада, и очищается от наносного, ложного, привычек столичной жизни.

Один из самых неожиданных для Райского эпизодов, проявляющих его истинное лицо, эволюцию героя, углубление его натуры, когда он молится (sic!), что трудно было представить в нем раньше, за счастье Веры с Марком: ««...он опомнится, воротится, и она будет счастлива... Дай бог! Дай бог!» – молился он за счастье Веры и в эти минуты бледнел и худел – от безнадежности за свое погибающее будущее» [Гончаров, 2004, с. 716].

Наконец, Вера Васильевна. Снова отношение к церкви, духовная жизнь, поведение характеризует героиню, отличает ее от Марфиньки, к примеру. Ее вера глубокая, искренняя, но более осмысленная. Во время споров с Марком Вера ищет поддержки у Бога и на вопрос, где истина, героиня без сомнения отвечает: «Вон там, – сказала она, указывая назад на церковь, – где мы сейчас были!.. Я это до него знала...»

– Ты думаешь, что он прав?... – спросил он (Райский. – *Е.Ш.*), стараясь хоть мельком заглянуть ей в душу.

– Я не думаю, а верю, что он прав» [Гончаров, 2004, с. 592].

Вера в Бога – одно из оснований «старой правды», от которого не может отречься героиня. Именно здесь находится точка несогласия с Марком. Думается, традиционность и крепость героини в вопросах веры ставит для некоторых ученых под сомнение ее страстный порыв. Так, О.М. Чемена полагает, что «превращение Веры в страстную грешницу является одним из самых крупных противоречий романа» [Чемена, 1966, с. 81]. Вера чувствует, что Волохов заблуждается, что из-за своего неверия готов потерять ее, но переубедить его не может, т.к. в вопросе веры убеждение, аргументация вообще не являются залогом согласия. По Гончарову, вера должна быть сердечной, младенческой:

«– Скажи, о чем ты молишься, Вера?

– О неверующих... – тихо сказала она.

– А я думал, о своей тревоге, об этой буре...

– Да... в этом – и моя тревога, и моя буря!.. – шептала она» [Гончаров, 2004, с. 593].

В Малиновке есть слободская церковь и деревенский приход, который чаще выбирает Вера. Он расположен на горе. Каждый поход туда для героини соотнесен внутренне с восхождением на Голгофу: «Между рощей и проезжей дорогой стояла в стороне, на лугу, уединенная деревянная часовня, почерневшая и полуразвалившаяся, с образом Спасителя, византийской живописи, в бронзовой оправе. Икона почернела от времени, краски местами облупились; едва можно было рассмотреть черты Христа: только веки были полуоткрыты, и изпод них задумчиво глядели глаза на молящегося, да видны были сложенные в благословение персты.

Райский подошел по траве к часовне. Вера не слыхала. Она стояла к нему спиной, устремив сосредоточенный и глубокий взгляд на образ. <...> Ни креста не слагали пальцы ее, ни молитвы не шептали губы, но вся фигура ее, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыхание и немигающий, устремленный на образ взгляд – все было молитва» [Гончаров, 2004, с. 463–464]. Здесь и Верина самобытность, и глубина ее натуры, и сосредоточенность на собственной жизни, и при этом присутствие безусловной нравственной опоры.

Райский и жизненную драму Веры начинает осмысливать в христианских категориях: «Видя это страдание только что расцветающей жизни, глядя, как мнет и жмет судьба молодое, виноватое только тем создание, что оно пожелало счастья, он про себя роптал на суровые, никого не щадящие законы бытия, налагающие тяжесть креста и на плечи злодея и на эту слабую, едва распутившуюся лилию» [Гончаров, 2004, с. 588]. Это несение креста – продолжение мотива восхождения на Голгофу. Заметим, что библейские аллюзии у Гончарова ненавязчивы, не акцентированы, но просты и явны. Вероятно, они естественным образом входили в роман.

Там же, в церкви, будет искать Райский возможность спасти Веру, помочь ей пережить падение:

«– Что же делать? – сказал он в тоске за Веру.

– Что бог даст! – в глубокой печали шептала Татьяна Марковна. – Бог судит людей через людей – и пренебрегать их судом нельзя! Надо смириться! Видно, мера еще не исполнилась!..» [Гончаров, 2004, с. 741].

Особенно воцерковленность героинь проявляется в момент жизненной драмы Веры и Бабушки. Они опираются на главное и естественное для православного человека – ищут поддержки Всевышнего. Отсюда ждут спасения. Вера, еще только предчувствуя драматичные события своей жизни, говорит Бабушке: «Когда оно (горе. – *Е.Ш.*) настанет – и я не справлюсь одна... тогда и приду к вам – и ни к кому больше, да к Богу!» [Гончаров, 2004, с. 494].

Наконец, когда жизненная драма Веры достигает апогея, Бабушка принимает свой крест, страдание за себя и за Веру, ее хождение по саду – то же хождение,

искупление: «Бог посетил, не сама хожу. Его сила носит – надо выносить до конца. Упаду – подберите меня... – Мой грех! – шепнула потом и пошла дальше» [Гончаров, 2004, с. 671]. И Вере она объясняет произошедшее в христианских категориях: «Он велит смириться, – говорила старуха, указывая на небо, – просить у внучки прощения. Прости меня, Вера, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя... Напрасно я хотела обойти тайну, умереть с ней... Я погубила тебя своим грехом... <...> Бог простит нас, но он требует очищения! Я думала, грех мой забыт, прощен. Я молчала и казалась праведной людям: неправда! <...> Будем молиться!..» Такая открытая воцерковленность была недоступна героям «Обыкновенной истории» и «Обломова», что свидетельствует об изменении мировоззрения Гончарова: в этом вопросе он становится более открытым.

Заключение. Итак, в отношении к Богу, к церкви, к церковной обрядности проявляется характер героев. В христианских категориях написана Гончаровым жизненная драма Веры и Бабушки. Нигде вера не подвергается сомнению, нигде не ставится вопрос о справедливости высшего промысла. Напротив, все только подтверждает главные христианские заповеди. Вера в Бога является для героев Гончарова крепким основанием их бытия, опорой в горе, надеждой в несчастье, залогом спасения. Сам же писатель в последнем романе становится более открытым, открытым в вопросе религиозности, а библейские мотивы ненавязчиво проникают в ткань повествования.

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7. 776 с.
2. Доманский В.А. Сады романа «Обрыв»: эдем, потерянный и возвращенный рай // И.А. Гончаров: материалы Международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 167–176.
3. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 444 с.
4. Лошиц Ю.М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 2004. 365 с. (ЖЗЛ).
5. Ляцкий Е.А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество: критико-биографические очерки. Стокгольм: Северные огни, 1920. 380 с.
6. Мельник В.И. Гончаров и Православие: Духовный мир писателя. М.: Дарь, 2008. 544 с.
7. Мельник В.И. О религиозности И.А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 203–212.
8. Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров – романист и художник. М.: Изд-во МГУ, 1992. 176 с.
9. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15.
10. Чемена О.М. Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. М.: Наука, 1966. 159 с.

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: e.pinzhnina@gmail.com

AS REGARDS THE QUESTION OF I.A. GONCHAROV' RELIGIOSITY (USING THE EXAMPLE OF THE NOVEL «THE PRECIPICE»)

E.I. Shevchugova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

A problem of studying I.A. Goncharov's religiosity as a rule is not considered by specialists, because serious religious strivings were not characteristic of the writer, his faith in its basis was “infantile”, therefore, everything seems to be absolutely clear regarding the writer's spiritual sphere. However, Goncharov's faith as part of his worldview, as a set of moral norms and attitudes, life imperatives – is explicitly and implicitly manifested in his work. The purpose of the article is to describe the functioning of religious motifs in the novel “The Precipice”, in which religious motives appeared most openly. The methods of the research are biographical and historico - literary. The results of the analysis show that religious crises were not characteristic of the personages of the novel. However, various kinds of faith, typical of the writer's characters, are considered in the article. Particular attention is paid to religious motives in Goncharov's describing the life drama of Vera and Babushka Berezhkova.

Key words: *Ivan A. Goncharov, “The Precipice”, religiosity of the writer, religious motives, the image of the Faith, the image of Tatiana Markovna Berezhkova, the image of Babushka.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. SPb.: Nauka, 2004. T. 7. 776 s.
2. Domanskij V.A. Sady romana «Obryv»: ehdem, poteryannyj i vozvrashchyonnyj raj // I.A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 195-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova: sb. st. Ul'yanovsk: Nika-dizajn, 2008. S. 167–176.
3. Krasnoshchyokova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskiy fond, 1997. 444 s.
4. Loshchic Y.M. Goncharov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 365 s. (ZHZZL).
5. Lyackij E.A. Goncharov: ZHizn', lichnost', tvorchestvo: Kritiko-biograficheskie ocherki. Stokgol'm: Severnye ogni, 1920. 380 s.
6. Mel'nik V.I. Goncharov i Pravoslavie: Duhovnyj mir pisatelya. M.: Dar, 2008. 544 s.
7. Mel'nik V.I. O religioznosti I.A. Goncharova // Russkaya literatura. 1995. № 1. S. 203–212.
8. Nedzveckij V.A. I.A. Goncharov – romanist i hudozhnik. M.: Izd-vo MGU, 1992. 176 s.
9. Tolstoj L.N. Sobranie soch.: v 22 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1983. T. 15.
10. CHemena O.M. Sozdanie dvuh romanov: Goncharov i shestidesyatnica E.P. Majkova. M.: Nauka, 1966. 159 s.

About the author

Shevchugova Ekaterina I. – kandidat of Philology, Dotsent of the Chair of the Russian Language, Literature and Speech Communication of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com